

Степан Бондаренко

Сокровища Змеиной бухты

Степан Бондаренко
Сокровища Змеиной бухты

«Автор»

2026

Бондаренко С.

Сокровища Змеиной бухты / С. Бондаренко — «Автор», 2026

Вы представляете посреди комнаты стоит чемодан с вещами, на котором лежит записка с надписью «прости». Не представляете, а 12 летнему мальчику Финну и представлять не надо. Этот сюжет о том как бездомный мальчик находит величайшее пиратское сокровище. Уверяю, что это будет незабываемое чтение.

© Бондаренко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Степан Бондаренко

Сокровища Змеиной бухты

Глава

Часть 1

Глава 1

Ночь, в которую перестали дышать часы.

Финн проснулся от того, что его комната перестала быть его.

Сначала он не понял, что именно изменилось. Та же полоска уличного света — жёлтая, тусклая — лежала на полу между кроватью и шкафом. Те же обои в синюю полоску с выцветшими корабликами у самого плинтуса. Тот же плюшевый кит на подоконнике, которого отец когда-то привёз из Абердина — пять лет назад, в другую жизнь, когда он ещё гладил Финна по голове и называл «моряком».

Финн лежал неподвижно. В комнате пахло пыльным ковром, старыми книгами и тем особым запахом осени, который просачивается даже через закрытые окна — мокрыми листьями и дальними кострами. Но среди этих привычных запахов был один новый. Холодный. Чужой.

Запах прощания.

А потом он увидел чемодан.

Серый, поцарапанный, с оторванной ручкой — когда-то это был бабушкин чемодан, она возила его в Лондон в семьдесят девятом. Теперь он стоял ровно посередине комнаты, прислонённый к спинке стула так аккуратно, словно его поставил человек, который больше никогда не хотел сюда возвращаться. На крышке лежал листок бумаги, сложенный пополам. Край листка чуть подрагивал от сквозняка — щель под дверью тянула холодом из коридора.

Финн не пошевелился. Он смотрел на этот листок ровно десять секунд, потом двадцать, потом целую минуту. Он не хотел его читать. Потому что записки, которые кладут на чемодан среди ночи, никогда не бывают хорошими. Хорошие записки кладут на холодильник. Или под подушку. Или дарят в руки, глядя в глаза.

А эту положили и ушли.

За стеной всхлипнула мать. Один короткий, придушенный звук — и тут же тишина, как будто она зажала рот ладонью, чтобы не разбудить. Или чтобы не передумать.

Отец не спал. Финн слышал его шаги — тяжёлые, размеренные, шаги человека, который идёт выносить мусор. Шаги приблизились к двери комнаты. Замерли. Финн затаил дыхание, услышал, как скрипнула половица под отцовским весом — сто сорок фунтов, бывший военный, плечи на полметра в ширину. Мужчина, который мог держать удар. Мужчина, который не умел прощать.

Три секунды. Пять. Десять.

Шаги удалились в сторону спальни. Хлопнула дверь.

Ни стука. Ни «просыпайся, нам нужно поговорить». Ни даже взгляда через замочную скважину. Отец просто постоял перед дверью — и ушёл. Как будто внутри спал не его сын, а случайный попутчик, которого надо высадить на следующей остановке.

Финн сел на кровати. Ноги были ледяными — он сунул их в стоптанные домашние тапки с зайцами, которые мать купила на распродаже два года назад. Тогда она ещё смеялась, надевая их ему на ноги: «Ты у меня самый ушастый матрос!». Сейчас тапки были старыми, дырявыми на пятках, и один заяц потерял глаз. Как будто игрушки тоже чувствовали, что в этом доме больше не будет тепла.

Он взял бумажку. Развернул. Бумага была тёплой — может, от его дрожащих пальцев, а может, мать держала её в руке слишком долго, прежде чем решиться. Почерк был знакомым до боли: круглые «о», длинный хвостик у «р», чуть наклон влево. Мать всегда писала с наклоном влево, потому что в школе была левшой, а её переучивали.

На листке было одно слово:

«Прости»

И всё.

Ни «мы любим тебя». Ни «ты вырастешь и поймёшь». Ни «виноваты обстоятельства». Даже ни «держи деньги на первое время» — просто кусок бумаги с просьбой о прощении, которая требовала от Финна слишком многого. Простить за то, что ещё даже не случилось до конца.

Отец не писал записок. Отец вообще не разговаривал с Финном последние три месяца — после того случая с соседским псом. Хотя Финн тогда был ни при чём. Собака сама сорвалась с цепи, когда Финн проходил мимо забора. Он просто стоял — и пёс зарычал. А отец увидел это из окна и почему-то решил, что Финн дразнил животное. Никакие объяснения не помогли. «Ты врёшь, — сказал отец. — Я видел твоё лицо. У тебя лицо вруна».

С тех пор они почти не разговаривали. Только необходимые фразы: «принеси хлеб», «закрой дверь», «иди в свою комнату». Финн стал призраком в собственном доме — его видели, но не замечали. Мать иногда пыталась что-то сказать, но отец перебивал её взглядом, и она замолкала.

Причина сегодняшней ночи была мелкой. Смешной. Жалкой.

Часы деда.

Вчера после школы Финн полез на антресоли в прихожей — искал старый бинокль, который подарил ему дядя Том, единственный взрослый, который когда-либо в нём сомневался. Бинокль был нужен для проекта по географии — наблюдение за птицами, глупая учительница мисс Поппинс требовала «живого наблюдения», а не картинок из интернета.

Бинокль лежал за стеклянной дверцей шкафа на антресолях. Рядом с ним, на потемневшем от времени бархате, стояли дедовы карманные часы — серебряный корпус, выгравированные инициалы «А.Ф.» и цепочка, которой дед когда-то задевал руку, когда доставал часы из кармана жилетки. Финн никогда не видел деда — тот умер за два года до его рождения, но мать говорила, что Финн очень похож на него. Те же светлые волосы, та же привычка хмуриться, когда думает.

Финн просто подвинул часы, чтобы добраться до бинокля. Чуть сдвинул край бархатной подушечки. Часы качнулись. И упали.

Они упали на пол антресолей — невысоко, сантиметров двадцать. Но стекло на циферблате треснуло. Тонкая, едва заметная трещина пересекла цифру «VII» и ушла к краю корпуса.

Это случилось вчера в семнадцать ноль три. Финн запомнил время, потому что в тот же миг внизу хлопнула входная дверь — вернулся отец.

Поднялся вверх по лестнице. Увидел Финна на антресолях. Увидел часы у него в руке — Финн как раз пытался их поймать, но не успел. Увидел трещину.

И не сказал ни слова.

Он взял часы из рук Финна очень медленно, будто боялся их разбить ещё сильнее. Потом посмотрел на трещину. Потом на Финна. В его глазах не было ни ярости, ни разочарования. Не было даже боли. Было что-то похуже — усталость. Бесконечная, бесповоротная усталость человека, который давно решил для себя что-то важное и теперь просто дожидался подходящего повода.

— Ложись спать, — сказал он.

Финн лёг. Заснул он не сразу — долго ворочался, слушал, как внизу отец ходит из кухни в гостиную, как мать что-то тихо говорит, а он отвечает односложно и жёстко. Потом наступила тишина. И Финн провалился в тяжёлый сон без сновидений.

Он проснулся в полночь. С чемоданом в комнате.

Финн одевался медленно. Не потому что боялся — потому что каждая вещь, которую он надевал, была маленьким прощанием. Свитер с оленями — бабушкин подарок, она вязала его всю зиму и прислала по почте с запиской «Чтобы мой главный путешественник не замёрз». Джинсы, на коленках потёртые — в них он впервые упал с велосипеда, и мать зашивала дырку под лампой, напевая песню про черепаху. Куртка на синтепоне — серая, с двумя карманами, внутри левого кармана Финн хранил странные вещи: камушек, похожий на сердечко, крышку от лимонада «Тархун» и теперь — записку.

Ботинки зашнуровал дрожащими пальцами. Шнурки не слушались, расплзались, один оборвался, и пришлось завязывать узлом — кривым, некрасивым, каким-то отчаянным.

Он взял с тумбочки компас. Зелёный, дешёвый, купленный в придорожном магазине за четыре доллара восемьдесят центов — когда они ездили с классом на экскурсию к водопаду. Компас врал на двадцать градусов к западу. Учительница сказала бы, что он непригоден для навигации. Но Финн привык к этой лжи. Он знал, что если повернуть корпус чуть-чуть влево, стрелка покажет правду.

Фонарик старый, советский — дедов. Внутри ещё лампочка, не светодиод, жёлтый слабый свет, которого едва хватает, чтобы разглядеть дорогу под ногами. Финн проверил — работает. Тускло, но работает.

Дневник в синей обложке. Финн начал его полгода назад, когда понял, что говорить правду вслух слишком опасно. В дневнике он писал только неправду.

«10 ноября. Сегодня меня похвалили по математике. Сказали, что я способный».

«15 сентября. Папа сказал, что я молодец. Мы ходили на рыбалку, и я поймал леща».

«20 сентября. Мама улыбнулась за завтраком. Она сказала, что гордится мной».

Ни одной правдивой строчки. Потому что правда была такой: в школе его дразнили «тихоней» и отбирали бутерброды. Папа не разговаривал с ним сорок три дня. Мама перестала улыбаться где-то в августе, и завтраки теперь проходили в полном молчании.

Сейчас Финн открыл дневник на последней странице и написал одну фразу. Честную. Первую честную фразу за полгода.

«29 сентября. Сегодня меня выгнали из дома. И я, кажется, рад. Потому что от раненого места даже воздух болит».

Он закрыл дневник и сунул его в рюкзак. Рюкзак был старым, школьным, с выцветшим логотипом футбольной команды, которую он никогда не поддерживал. Внутри лежал бутерброд — один, с сыром, мать не положила больше. Бутылка воды, наполовину полная. И красный карандаш, которым он рисовал на полях учебников маленькие кораблики.

Спускаясь вниз по лестнице, Финн перешагнул третью ступеньку. Та всегда скрипела. Он перешагивал её автоматически, как делал это тысячи раз, когда крался на кухню за печеньем или возвращался из ванной поздно ночью. Сейчас это привычное движение отозвалось в груди острой, как заноза, тоской.

В гостиной горел ночник — маленький пластиковый шар, который светился приглушённо-жёлтым. На столе стояла наполовину выпитая кружка отца. Внутри ещё оставался кофе — остывший, с коричневой плёнкой на поверхности. Финн смотрел на кружку несколько секунд. Ему показалось, что она стоит там нарочно. Что отец оставил её как границу — перешагнёшь, значит, ушёл по-настоящему.

На кухне было темно. Холодильник гудел ровно, привычно. На магнитах висели фотографии: Финн в пять лет с тортом, Финн на море с надувным кругом, вся семья на фоне гор.

Финн медленно прошёлся по ним взглядом. Он знал, что этих фотографий завтра уже не будет. Или будут, но смотреть на них станет кто-то другой.

В прихожей, на вешалке, не хватало двух пальто — отцовского, тёмно-синего, и материнского, серого, с меховым воротником. Машины во дворе не было. Они уехали. Вместе. Оставив его одного.

Финн стоял у открытой входной двери. Ночной воздух налетел на него сырой, холодной тяжестью. Пахло мокрой листвой, увядшими астрами с палисадника и, чуть заметно, бензином — машина уехала совсем недавно. Где-то далеко лаяла собака. Где-то на трассе сигналил грузовик. Мир продолжал жить, словно не случилось ничего особенного. Даже луна была обычной — тонкий серп, похожий на отрезанный кусок старого сыра.

Он замер на пороге. Пять секунд. Десять. Двадцать.

Где-то внутри, в самом глубоком углу, где прячется последняя надежда, теплилась мысль: сейчас дверь за спиной откроется. Сейчас выйдет мать — растрёпанная, в старом халате, с красными глазами. Скажет: «Мы погорячились. Иди спать, Финн. Завтра всё обсудим». Или отец положит тяжёлую руку на плечо и ничего не скажет — просто уведёт обратно в комнату.

— Мам? — позвал он тихо. Тонко. По-детски, хотя ему казалось, что детство кончилось час назад, когда он проснулся и увидел чемодан.

Никто не ответил.

Тогда Финн шагнул. Захлопнул дверь. Не обернулся. Он знал — если обернётся, то увидит тень за занавеской или свет, который вдруг зажжётся в спальне, или чьи-то руки, которые распахнут дверь и скажут: «Шутка! Дурацкий розыгрыш к Хэллоину! Проходи, чай остывает». Но никто не распахнул. Свет не зажгётся.

Улица Мейпл-роу, дом 14, спал мёртвым сном.

Финн шёл к шоссе. Ботинки хлюпали по мокрым листьям. Деревья стояли голые — сентябрь только начался, но лето ушло в этом году рано, будто тоже торопилось сбежать из этого города. Фонари горели через один — муниципалитет экономил, и между островками света тянулись длинные, холодные коридоры темноты.

За спиной оставалась школа, где его дразнили «тихоней» и отнимали бутерброды. Оставалась лужайка, где он в шесть лет учился кататься на велосипеде, а отец бежал сзади, держа за седло, и кричал: «Жми на педали, моряк! Жми!». Оставался старый дуб у поворота, под которым они закопали временную капсулу в прошлом году — Финн, соседский мальчишка Джейми и девочка из дома напротив, Молли. В капсулу положили глупые обещания на клочках бумаги. Финн написал: «Я никогда не брошу свою семью». Теперь эта бумажка лежала в земле, и кто-то другой, через много лет, найдёт её и подумает: какой смешной мальчишка, какие наивные слова.

У выезда на трассу он остановился. Рюкзак тянул плечо. Ботинок на левой ноге немного промок — он наступил в лужу, нарочно, просто чтобы почувствовать что-то кроме пустоты внутри.

Трасса была пуста. Асфальт блестел под луной, как чёрная река. Финн достал компас. Стрелка дрожала, кружилась, никак не могла успокоиться — может, от холода, а может, потому что он сам не знал, куда идти. Потом стрелка замерла. И показала на юг.

На юг, где было море.

Финн никогда не видел моря. Только на картинках в старой книге «Остров сокровищ», которую ему подарил дядя Том. Книга лежала сейчас на дне рюкзака — потрёпанная, с рисунками на полях, которые Финн делал сам: маленькие кораблики, пальмы, сундуки с золотом. Море для него было чем-то из другой жизни. Из жизни, в которой можно начать всё заново.

Дождь начинался медленно — сначала одна капля на щеку, потом вторая, потом десятая, и вдруг весь мир стал серым, расплывчатым, мокрым. Финн поднял воротник куртки и пошёл вдоль обочины, держась поближе к кювету.

Первая фура пронеслась мимо, обдав его брызгами и вонью дизеля. Вторая даже не сбавила скорость.

Третья остановилась. Тяжело, с шипением пневматики, с визгом колодок — водитель нажал на тормоз, когда уже почти проехал, и фура встала метрах в десяти, медленно сдала назад.

За рулём сидел мужчина. Усатый, в клетчатой рубашке, с лицом, похожим на старую карту — морщины расходились от глаз, как русла высохших рек. Из кабины тянуло жареным кофе и дешёвым табаком. Мужчина опустил стекло, окинул Финна долгим, внимательным взглядом — мокрый мальчишка с огромным рюкзаком на тощем плече и компасом в руке, стоящий под дождём на пустой трассе в два часа ночи.

Он ничего не спросил про родителей. Ничего не спросил про полицию. Просто открыл дверь и сказал, хрипловато, будто не говорил несколько дней:

— Куда путь держишь?

Финн посмотрел на компас. Стрелка всё так же указывала на юг. На юг, где за горизонтом, за сотнями миль дорог, лесов и гор, плескалось море, которого он никогда не видел. Море, которое, как он почему-то был уверен, его не выгонит.

— К морю, — сказал он.

Водитель усмехнулся — не насмешливо, а скорее одобрительно, как человек, который однажды тоже стоял на краю дороги с рюкзаком и выбором.

— Ну, бывало и хуже, — сказал он. — Я тебя до перекрёстка, до Стоун-Гап. Дальше — сам.

Финн забрался в кабину. Она пахла сеном, бензином и ещё чем-то далёким — солью? Морем? Ему показалось. Или просто очень захотелось поверить.

Дверь захлопнулась. Фура взревела, вырывая на трассу. Дождь забарабанил по крыше, громче, чем по асфальту. Финн пристегнулся — ремень скользнул по мокрой куртке — и уставился в боковое зеркало. В нём медленно таял огонёк, оставшийся там, где кончалась Мейплроу, дом 14, и начиналось что-то, чему ещё не придумали названия.

Он не оглядывался. Но когда фара дальнего света на секунду выхватила из темноты знакомый силуэт старого дуба с выпавшими листьями, он закрыл глаза и прошептал туда, в темноту, в уходящую жизнь:

— Прости.

Дождь завыл громче. А может, это был ветер. А может — ничего не было, просто первая миля пути, который никто не выбирал, но который вдруг оказался единственно возможным

Глава 2

Человек, который не задавал вопросов

Кабина фуры пахла так, как пахнут настоящие дороги — не те, что показывают по телевизору в рекламе бензина, а настоящие, с потом, кофе и одиночеством. Финн втянул носом воздух и различил сено (на полу под ногами), жареные зёрна (в термосе на панели), машинное масло (где-то глубоко под полом) и ещё что-то сладковато-кислое, похожее на яблоки, которые начинают портиться.

Водитель не включал верхний свет. Только зелёное свечение приборной панели падало на его лицо, делая морщины ещё глубже, а усы — почти чёрными в полутьме. Он не смотрел на Финна. Смотрел на дорогу — широкую, пустую, уходящую вперёд, как чёрная лента, которую кто-то разматал и забыл смотать обратно.

— Пристегнись, — сказал он. Не спросил, не попросил — сказал, как констатировал факт: в этой кабине есть ремень, и он будет использован.

Финн пристегнулся. Ремень скользнул по мокрой куртке, заскрежетал в механизме, зафиксировался. Щелчок показался ему очень громким. Щелчком, который отрезал прошлое.

Фура тронулась плавно, без рывка — водитель умел обращаться с тяжёлой машиной, как с живым существом. Они выехали на шоссе, и через минуту огни Мейпл-роу окончательно пропали за поворотом. Финн смотрел в боковое зеркало, пока последний жёлтый глаз не погас, потом отвернулся.

— Холодно? — спросил водитель.

— Немного.

Мужчина потянулся куда-то за сиденье и вытащил серое шерстяное одеяло с дыркой от сигареты. Кинул Финну на колени, даже не глядя.

— В городе остались, — сказал он, имея в виду — ночь.

— Нет.

— Документы есть?

Финн помолчал. В рюкзаке лежало свидетельство о рождении, замусоленное, сложенное вчетверо. И школьная справка. И больше ничего. Ни паспорта — он был слишком мал для паспорта, ему только через полгода получать. Ни денег — два доллара и шестьдесят три цента мелочью, которые он забыл в кармане куртки после того, как покупал мороженое. Три дня назад. Когда мир ещё не рухнул.

— Есть, — сказал он. — Свидетельство.

Водитель кивнул. Не попросил показать. Не спросил, почему мальчик в два часа ночи бродит по трассе с рюкзаком и компасов. Просто вёл машину.

Финн вдруг понял, что это самое странное в этой ночи — не то, что его выгнали, и не то, что он сел в чужую фуру, а то, что этот человек не задаёт вопросов. Отец всегда задавал вопросы. «Где ты был? Что ты сделал? Почему у тебя такой вид? Почему ты не можешь быть нормальным?» Вопросы, на которые нет правильных ответов. Вопросы-капканы.

А этот молчал.

И от этого молчания Финну захотелось плакать.

Он не заплакал. Сжал зубы, вцепился пальцами в край сиденья и уставился в лобовое стекло, за которым мелькали придорожные столбы — один, два, три, четыре. Считать помогало. Считать было как строить стену между собой и тем, что осталось там, позади.

Через полчаса дождь кончился. Небо прояснилось, и луна стала ярче, выхватывая из темноты поля, фермы, силуэты спящих коров и редкие деревья, стоящие поодиночке, как часовые. Финн понял, что никогда раньше не видел ночную дорогу из кабины грузовика. Мир был другим на такой высоте. Ближе к звёздам.

— Есть хочешь? — спросил водитель.

Финн покачал головой. Потом вспомнил про единственный бутерброд в рюкзаке — сыр уже начал потеть, хлеб размяк. Его стоило съесть, пока он не испортился. Но Финну не хотелось есть. Хотелось свернуться клубочком на этом тёплом, пропахшем сеном сиденье и заснуть.

— Тогда просто смотри вперёд, — сказал мужчина. — Дорога лечит.

— Вы философ? — спросил Финн неожиданно для себя. В школе они проходили древнегреческих мудрецов, и учительница сказала, что философы — это люди, которые говорят загадками о простых вещах.

Водитель хмыкнул. Гулко, как большая собака.

— Я Бен, — сказал он. — И я вожу говядину из Вайоминга в Огайо. Это не философия. Это жизнь.

— Финн, — представился мальчик.

— Знаю, — сказал Бен.

Финн уставился на него.

— На рюкзаке написано, — пояснил водитель, кивая. — Фломастером. Финн. И сердечко. Девушка?

Финн посмотрел на свой рюкзак. Действительно, на боку, почти стёршееся, было выведено его имя. И маленькое сердечко. Он вдруг вспомнил, чья это работа — Молли, девочка из дома напротив, в прошлом году на дне рождения. Она взяла фиолетовый фломастер и написала: «Финн + Молли = навсегда». Он тогда стёр «+ Молли», но сердечко осталось.

— Нет, — сказал он. — Просто... одноклассница.

— Ага, — Бен не поверил, но не стал спорить. — Значит, Финн. Хорошее имя. Как у того парня из книжки. С плотом.

— «Приключения Гекльберри Финна», — сказал Финн. — Только там Финн — фамилия.

— А ты умный, — заметил Бен. — Смотри не потеряй это. На дороге умных не любят.

Финн не понял, шутка это или предупреждение. Решил промолчать.

Они ехали молча ещё около трёх часов. Дорога сменилась несколько раз — широкое шоссе сузилось до двух полос, потом расширилось снова. Один раз они проехали мимо кругло-суточной заправки, где горел яркий свет и стояла одна-единственная машина — старый пикап с прицепом. Бен не остановился.

— До Стоун-Гап ещё полсотни миль, — сказал он. — Там перекрёсток. Дальше я поворачиваю на восток.

— А на юг? — спросил Финн.

— На юг пойдёшь пешком. Или поймаешь попутку. Я бы посоветовал дождаться утра и на попутках. Ночью — разный народ ездит.

Финн кивнул. Вопрос повис в воздухе — тот самый вопрос, который Бен не задавал, но который висел между ними, как невидимая стена. «Почему ты один?». «Что случилось?». «Кого мне звонить?». Бен не спрашивал. Но Финн вдруг понял, что хочет ответить. Сам. Без вопроса.

— Они уехали, — сказал он в темноту. — Родители. Положили чемодан в мою комнату и уехали. Мама оставила записку. «Прости». Вот и всё.

Бен не повернул головы. Только руки на руле чуть сжались сильнее — костяшки побелели в зелёном свете приборов.

— Давно? — спросил он.

— Сегодня ночью. Я проснулся — а они уже ушли.

— В полицию звонил?

Финн покачал головой. Ему не приходило в голову звонить в полицию. Вообще не приходило. Может, потому что внутри, где-то очень глубоко, он знал, что это не похищение и не исчезновение. Это было решение. Взрослое. Окончательное.

— Нечего им сказать, — ответил он. — Меня не били. У меня есть еда, одежда, крыша была. Просто... не захотели больше.

— Глупости, — отрезал Бен. Но сказал это не Финну — себе. Или той самой ночи, которая смотрела в лобовое стекло.

Они снова замолчали. Теперь молчание было другим — не пустым, а наполненным. Словами, которые не сказаны. Вопросами, на которые нет ответов.

Финн смотрел на дорогу и думал: почему ему не страшно? Ему должно быть страшно. Двенадцать лет, ночь, чужая фура, незнакомый мужчина, неизвестное направление. В любой нормальной книжке мальчик в такой ситуации должен трястись от ужаса. А Финн не трясся. Ему было холодно, пусто, обидно, но не страшно. Возможно, потому что самое страшное уже случилось не на дороге, а там, дома, когда он открыл глаза и увидел чемодан.

— Знаешь, что я понял? — сказал он вдруг. — Я понял, что всё это время ждал. Не специально. Просто... где-то внутри знал, что это случится. Что однажды я проснусь и меня не будет.

— Детей не должно быть там, где их нет, — ответил Бен.

— А где они должны быть?

— Дома. В постели. С родителями, которые... — он запнулся. — Которые есть. Финн пожал плечами. Жест вышел невидимым в темноте.

— Не у всех так, — сказал он.

— Знаю, — тихо ответил Бен.

И в этом «знаю» было что-то такое, от чего Финн наконец-то поверил, что этот случайный человек не опасен. Потому что опасные люди не говорят «знаю» — они говорят «мне жаль» или «всё будет хорошо». А Бен просто согласился. Как будто сам когда-то был на месте Финна. Или рядом с таким местом.

За окном начало светлеть где-то в пять утра. Сначала просто чуть-чуть — край неба над горизонтом стал серым, потом розовым, потом в розовый вплелась оранжевая нитка. Финн смотрел на рассвет, не отрываясь. Дома он никогда не просыпался так рано — мать будила его в семь, и за окном было светло, и всё, что осталось от ночи, — это тени под глазами и невыпитый кофе на столе.

Здесь же рассвет был событием. Церемонией. Великим переходом черного в серое, серого — в цветное.

— Красиво, — сказал он.

— Каждое утро, — ответил Бен. — И каждый раз — по-разному. Я видел рассветы в Монтане — они фиолетовые. В Техасе — красные, как кровь. В Орегоне — зелёные, потому что там лес до горизонта. А здесь, в Огайо, они просто... правильные. Неяркие. Спокойные.

— Вы много где были?

— Везде, где есть дороги. И немного там, где их нет.

Бен достал из-под сиденья термос, открыл крышку. Кофе пах сильно — жареным, чуть горьковатым, с нотками шоколада. Финн никогда не пил кофе — родители запрещали, говорили, что маленьким нельзя. Но сейчас ему вдруг захотелось попробовать.

— Можно глоток? — спросил он.

Бен посмотрел на него, хмыкнул, протянул термос.

— Осторожно, горячий.

Финн сделал маленький глоток. Кофе обжог язык, но вкус оказался не таким ужасным, как он ожидал — горьковатым, тёплым, чуть сладковатым от сахара, который Бен, видимо, положил. Вкус взрослости. Или свободы.

— Вкусно, — сказал он и вернул термос.

— Врёшь, — сказал Бен, но улыбнулся — первый раз за ночь.

Они проехали ещё несколько миль. Финн почувствовал, что глаза слипаются, но боролся со сном — не хотел пропустить Стоун-Гап. Не хотел, чтобы этот отрезок пути, самый первый, закончился так быстро.

— Почему вы остановились? — спросил он. — Фуры до этого проезжали. Вы — первый, кто остановился.

Бен подумал. Долго. Так долго, что Финн уже решил — не ответит.

— Потому что я когда-то тоже стоял на обочине, — наконец сказал он. — Мне было четырнадцать. В Нью-Мексико. И меня никто не взял. Четыре часа. Потом приехала полиция. А потом — приют. И я подумал: если я когда-нибудь буду за рулём и увижу мальчишку на дороге — я остановлюсь. Не для того, чтобы спасти. А чтобы не проехать мимо. Понимаешь разницу?

Финн не совсем понимал. Но кивнул. Потому что чувствовал — это важно. Это про то, как маленькое решение одного человека может изменить всё.

Стоун-Гап оказался не городом, а просто перекрёстком с заправкой и закуской «У Мэри», которая ещё не открылась — только в семь утра. Бен заглушил мотор. Тишина была оглушительной после шести часов рокота дизеля.

— Приехали, — сказал он.

Финн посмотрел на часы. Шесть десять утра. Он был в дороге четыре часа. И чувствовал себя так, словно прошла целая жизнь.

Он отстегнул ремень, потянулся к рюкзаку. Бен жестом остановил его.

— Погоди. — Он полез под сиденье, пошарил там, вытащил бумажник. Достал две двадцатидолларовые купюры и сунул Финну в руку. — На первое время. Закусочная откроется через час. Съешь горячий завтрак. Это важно.

— Я не могу, — сказал Финн.

— Можешь. Я не отец, не дядя, не спасатель. Я просто водитель, у которого есть лишние деньги. Когда-нибудь ты тоже кого-нибудь подвезешь. И отдашь долг.

Финн сжал купюры в кулаке. Бумага была тёплой, чуть влажной — от кофе, от пота, от жизни.

— Спасибо, — сказал он. И понял, что говорит искренне — впервые за много месяцев.

— Да не за что, — Бен завёл мотор. Фура вздрогнула, готовая продолжить путь. — Финн?

— Да?

— Держись юга. И не доверяй тем, кто обещает лёгкую дорогу. Лёгких дорог не бывает. Бывают нужные.

Финн вылез из кабины, закинул рюкзак на плечо. Бен опустил стекло.

— Эй, — окликнул он. — Тот парень из книжки, Гекльберри Финн... он нашёл своё счастье?

Финн подумал.

— Он нашёл реку, — сказал он. — И плот. И друга. А счастье — это сложнее.

Бен кивнул, будто услышал то, что хотел.

— Удачи, моряк, — сказал он.

И фура уехала. Сначала медленно, потом быстрее, потом — просто красная точка на горизонте, смешивающаяся с рассветом. Финн стоял на обочине, сжимая в кулаке сорок долларов, смотрел вслед. И только когда фура скрылась за поворотом, позволил себе заплакать. Тихо. Без звука. Одна слеза, вторая, третья — рассветные, солёные, бессильные.

Потом он вытер лицо рукавом, подошёл к закусочной и сел на ступеньки, дожидаться, когда откроется дверь.

Внутри что-то шевельнулось — не надежда, нет. Надежда была слишком громким словом. Но что-то теплое, живое, что позволило сделать следующий вдох.

Юг был далеко. Море — ещё дальше.

Но он хотя бы знал направление.

Глава 3

Старик, который помнил море

Закусочная «У Мэри» открылась в семь ноль три. Финн знал это, потому что смотрел на свои дешёвые часы каждые пять минут, сидя на холодных ступеньках и слушая, как в животе урчит от голода, которого он не замечал последние четыре часа. Сейчас голод вернулся — злой, требовательный, как проснувшийся зверь.

Семь ноль три. Щёлкнул замок. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и передником в розовый горошек. Мэри — судя по вышитому имени на кармане. Она посмотрела на Финна — мокрого, с красными глазами, с рюкзаком, который больше его самого — и не сказала ни «ты откуда», ни «где твои родители», ни даже «полицию вызвать?».

— Завтрак подают через десять минут, — сказала она. — Заходи, согреешься. Кофе бесплатно для тех, кто ждал на крыльце.

Финн зашёл внутрь. Закусочная оказалась маленькой — шесть столиков, покрытых клеёнкой в клетку, стойка с высокими табуретами, витрина с пирогами и запах жареного бекона, который, казалось, пропитал стены насквозь ещё лет двадцать назад. На стенах висели ста-

рые фотографии — чёрно-белые, цветные, с видами мостов, грузовиков и людей, которые уже умерли или переехали.

Финн сел в уголке, откуда было видно и дверь, и окно, и всех, кто войдёт. Старая привычка — после того, как в школе его однажды загнали в туалет и отобрали кроссовки, он всегда садился спиной к стене. Отец назвал бы это паранойей. Финн называл это выживанием.

Мэри принесла кофе. Настоящий, в большой белой кружке, с пакетиком сахара и маленьким печеньем на блюде.

— Завтрак, когда решишь, — сказала она. И отошла.

Финн высыпал сахар в кружку, размешал ложечкой, слушая, как звенит фарфор. Второй раз в жизни он пил кофе. И второй раз ему показалось, что это самый взрослый вкус на свете.

Завтрак он заказал самый большой — два яйца, бекон, тосты с маслом, картофельные оладьи и апельсиновый сок. Сорок долларов Бена были смяты в кулаке, и Финн понимал, что один такой завтрак съест пятую часть денег. Но он не мог остановиться. Ел жадно, быстро, иногда забывая прожевать, и Мэри, проходя мимо, незаметно подливала сок и подкладывала тосты без дополнительной платы.

Когда он почти закончил, дверь закуской открылась снова.

Вошедший был старым. Не просто пожилым — старым, как те камни, которые лежат у дорог и никто не помнит, кто их туда положил. Лет семьдесят, а может, и все восемьдесят. Борода седая, густая, в ней запутались крошки и, кажется, прошлогодние листья. Куртка — рыбацкий бушлат, залатанный в десятке мест. На голове — кепка с надписью «Море внутри», буквы выцвели до нечитаемости. В руке — трость, не для красоты: старик припадал на правую ногу и опирался тяжело, со скрипом в суставах.

Он подошёл к стойке, плюхнулся на табурет, и голос его прозвучал так, будто камни пересыпали в ведре:

— Мэри, милая, сделай мне тот самый чай. С бергамотом и ложкой мёда. И скажи, кто этот мальчик, который ест как голодный волк и смотрит как потерянный щенок.

Мэри, не оборачиваясь, ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.